

ВЛАДИМИР ЕРАНОСЯН

БОЙНЯ

КОГДА НЕКОМУ ОСТАНОВИТЬ ВЪЗДУМНЕ

18+

Владимир Максимович Ераносян

Бойня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55893876

SelfPub; 2022

Аннотация

По приказу министра обороны расформирована бригада ГРУ. С этим решением не согласен полковник Дугин. Скрыв от начальства разработки секретного проекта "Рэт" для нужд спецназа, над которым трудился профессор Функель, Дугин вынашивает план государственного переворота. Преторианской гвардией мятежа становятся недовольные офицеры и националисты. Сокрушительным оружием, которое поможет в планах свержения законной власти, призван стать "Рэт". Операция "Рэт" запущена. В России начинается бойня. Но остановить кровопролитие может только тот, чей мозг заряжен именно на убийство...

Владимир Ераносян

БОЙНЯ

био-психологический триллер

Глава 1. Возражение – предтеча бунта.

– Я заслуженный офицер. Вы не можете так просто взять и расформировать несколько элитных подразделений спецназа! – это была аудиенция в «русском Пентагоне» на Арбате. Генерал Кораблев позволил себе возразить министру обороны. Он понимал, что это чревато отрешением от должности, но был уверен, что даже в самом худшем случае с ним не посмеют расстаться по-плохому. Дело было даже не в выслуге лет, не в боевых наградах. На это всем наплевать. Дело заключалось в реальной силе, которая за ним стояла. А за ним стоял спецназ ГРУ. Положим, не весь спецназ, но ряд оперативно-боевых групп создавал и курировал лично он, и его авторитет в этих подразделениях являлся непререкаемым.

Он мог растормошить это чиновничье болото, посеять смуту. Чтобы доказать, что рановато его списали и он – во все не отработанный материал. Хотя, копаясь в своей памяти, Кораблев сейчас явственно ощущал, что от былой бравой уверенности военного разведчика осталась только злоба. А

гнев для разведчика – худший напарник. Так он обычно наставлял подчиненных.

– Вы мне угрожаете? – не внял аргументам генерала министр.

После этого вопроса, генерал понял, насколько сильно он ненавидит этого министра, похожего на зажравшегося мытаря, его некомпетентность, эту высокомерную уверенность в себе, явный апломб холеного и неповоротливого борова в часах с бриллиантами от «Адемар Пиге»...

...И на его запястье были не «Командирские». Хотя «Брайтлинг» и есть командирские, только швейцарские. Нет, это была не зависть. Подобное чувство зовется ненавистью, причем неприятие к своему визави обнаружилось словное, органическое, физическое. И клановое. Боевой офицер никогда не признает гражданского, тем более успешного мебельщика и фискальщика, своим прямым начальником, даже если ответит «Есть!». Армия и спецназ – не для мебели...

Генерал вспотел. Спустя мгновение козырнул и шелкнул каблуками. Сдав пропуск, он вышел в скверик Гоголевского бульвара, где ждал его старый друг и соратник, полковник Дугин, лицо которого украшало столько же шрамов, сколько швов от пластических операций разместилось на телах Памеллы Андерсон, Маши Малиновской и еще пары фриков вместе взятых.

Просьба подчиненного не была исполнена. Генерал не

улучил удобного момента и не спросил про задержанного накануне подопечного Дугина, сорвиголову, который умудрился избить патруль дорожно-постовой службы в одиночку и только за то, что у парня попросили документы. История времен Ришелье, смачно описанная Дюма. Извечное соперничество «мушкетеров короля» и «гвардейцев кардинала», антагонизм спецслужб, производное системы сдержек и противовесов.

Только ГРУ – уже давно не в любимчиках. В мирные дни совсем иные фавориты. Дерзкие ребята, опаленные реальной войной, а не кулуарным рейдерством, не удобны. Они слишком жесткие, и почти не управляемые. Они слоняются без дела по улицам, и у них чешутся руки... И при этом они слишком много знают, и многое умеют.

У памятника автору «Мертвых душ» они разговаривали о судьбе своих ребят.

– Что будет, генерал? – спросил Дугин, погладив ус.

– Несколько бригад расформируют. Батальоны чеченцев тоже. В мирное время они не нужны. И твоих ребят.

– Что я им скажу?

– Скажешь правду. Это политика. Не только нас режут. Двести тысяч офицеров сократят. Двести тысяч. Даже курсантов не будут набирать. Ликвидируют институт прапорщиков и мичманов. Считают обузой тех, кто что-то знал. Кто научит солдата, срок службы которого один год, управлять техникой, стрелять и терпеть лишения? Зато этот мебельщик –

настоящий специалист по гробам. А гвоздь в наш гроб во-
бьет его финансистка, когда прекратит выплаты по доволь-
ствию.

– Но деньги же вроде есть! Какую штаб-квартиру отгро-
хали на Хорошевке!?

– Во-первых, прошло три с половиной года, а во-вторых,
я, как ты помнишь, выступал тогда против строительства в
центре Москвы. Такие здания надо возводить в глухих ме-
стах! Но это – дело прошлое. А сейчас денег нет! На нас нет
точно!

– И проект «Крыса» прикроют?

– Директива уже подписана. Он признан псевдонаучным.
А твой профессор Функель объявлен сумасшедшим.

– Тогда крыса сбежит с тонущего корабля!

– Тебе решать, я не стану вмешиваться.

– Товарищ генерал, это же вредительство. Они развали-
вают спецназ.

– Думай глубже. Они разрушают армию. Причем руками
министра.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Я ухожу...

– А что делать мне? Я не дам перечеркнуть все усилия
и заморозить проект. Это же уникальное открытие. Если
сейчас все остановить, то разведка потеряет универсально-
го солдата, не киношного, а реального, способного выпол-
нять боевую задачу без оружия, бесстрашного и изобрета-

тельного, с немислимым для человека болевым порогом, колоссальной выносливостью и живучестью.

– Хорошо, я помогу тебе, как смогу. Не верю, что у тебя с этим хоть что-нибудь получится. Но у меня ведь в данном случае личная мотивация, не так ли, – как-то обреченно улыбнулся ниточкой губ Кораблев, – Вот визитка человека, обиженного на власть не меньше нас. У него огромные деньги и невероятные связи.

– Кто он?

– Пенсионер. Но учти, за помощь он потребует от тебя одну услугу.

– Если ее выполнение в моих силах, я справлюсь.

– Да, если ты примешь его условия, не забудь, кто всю жизнь был твоим покровителем.

– Разве могу я забыть о вас?

– Обо мне постарайся все же забыть, но помни о министре. Пусть он подаст в отставку... Уволь его!

Глава 2. Без отпевания и за пределами кладбища.

Семья! Вот, что действительно беспокоило генерала Кораблева. Его сын от второго брака, три года прослуживший в спецназе, учился в Военно-дипломатической академии. Кем он станет? «Пиджаком», и будет работать на благо Родины в резидентуре какой-нибудь страны, или «кротом» – внедренным агентом под прикрытием – теперь отцу этого не узнать.

Уже взрослый – все поймет.

О дочери сейчас почему-то не думалось. Дочь... Она вся в маму. Независима и неблагодарна. Ангелина была пристроена. Она вышла замуж за богатого чеченца, которого патронировал сам Кораблев, уверенный в необходимости системы сдержек и противовесов вайнахских тейпов. Безуспешно выводя недовольную Кадыровым знать из-под опеки ФСБ под крыло ГРУ, Кораблев терял боевых товарищей, но с упорством непризнанного патриота стоял на своем, как мог...

Ну, а Макс, его любимчик... Старшего, Макса, первенца, он потерял в Чечне. Чтобы там не говорил Дугин, но он его потерял. И от этого по-прежнему испытывал невыносимую боль.

Память все время рисовала одни и те же сюжеты многолетней давности...

Макс тогда был беззащитным и робким. Ему только исполнилось двенадцать. И больше всего ему не хватало материнской ласки. В таком раскладе, похоже, был виноват сам Кораблев, но признаться в этом самому себе тогда мешала гордость. Это сложное чувство, которое так же часто рождается от обиды, как и от восхищения...

Кораблев перекрыл матери доступ к собственному сыну, когда жена изменила ему с сосунком-старлеем из гарнизонной прокуратуры. Он изгнал ее из дома со словами «Не позорь мою честь», «Я не позволю, чтобы Макса в школе попрекали матерью-шлюхой» и, что крепко отпечаталось в

мозге невольно слышавшего все эти склоки ребенка, «Ты – крыса, которая украла у самой себя семью, глупая серая крыса»... Она рыдала, но не противилась суровому исходу. Ей досталась дочь. А старлей, как водится, слился – перевели в другую часть.

Так Макс остался с отцом. Что бывает сплошь и рядом, правда, в восьми из десяти случаев разводов ребенок достается маме...

Именно тогда в опустевшей служебной квартире на первом этаже завелась крыса. Грызла все подряд по ночам и гадила фекалиями. И тогда Кораблев смастерил приманку из отравленного сыра, крошеного стекла и мгновенного клея. Чтоб наверняка убить грызуна: отравить, изрезать внутренности и пригвоздить.

На утро крысу обнаружили дети. Макс и Лина, пятнадцатилетняя девочка на тот момент еще не переехала к матери. Крыса, еще живая, но уже дышащая на ладан сидела, поджав хвост, и дрожала, то ли от боли, то ли от безысходности. Но глазки ее не бегали, она глядела прямо и не шевелилась. Откуда было детям знать – отчего. От клея, немоги или от готовности к броску. Реакция Лины была предсказуема. Она убежала. Макс же присел рядом с крысой и уставился на нее без страха. А спустя секунду зарыдал от жалости. К крысе. Черт ее побери!

Лина позвала отца. Папа прибежал, ясное дело, с какой-то железякой, и добил крысу. Макс потом целый день с ним не

разговаривал. Ранимое сердце...

Мачеха появилась позднее, когда Кораблев получил генеральскую должность и новую квартиру, с отдельным кабинетом и двумя сануздами.

Эта женщина была красива, но неприспособленна к офицерскому быту. Требовала к себе особого внимания, а после того, как забеременела и родила сына, вовсе села Кораблеву на голову. Она стала упрекать генерала за все подряд. За то, что забрал после развода сына. За ненормированный график службы. За то, что служил не в Белокаменной. Что годами мирился с теперь уже «убогой», на ее взгляд, квартирой, вместо того, чтобы обзавестись, как положено, домом на Рублево-Успенском. И еще за то, что воспринимал свою работу и должность не как Эльдorado, а как территорию воинского долга.

Больше всех страдал Макс. Мачеха не способна была заменить мать. Мальчик скучал, и тоска эта съедала его изнутри.

Как-то, в день своего четырнадцатилетия, он спрятался за дверью спальни, думая, что со службы вернулся отец. Хотел разыграть папу, а в спальне появилась супруга Кораблева. Она как обычно прильнула к трюмо и принялась наводить многочасовой бессмысленный марафет из огуречных масок на свою почти девственную кожу. Макс любовался красотой женщины, на мгновение приняв ее за родную мать. Скоро он вышел из-за двери, да так напугал мачеху, что она выдала

ему на его день рождения вместо подарка злобную тираду, что травмировала его психику на всю жизнь. Благо не сделала заикой...

– Ах-ты крысенок, – орала она, – Ты здесь никто! А твоя мать – шлюха! Она даже не спрашивает о тебе! Как будто тебя нет! И ты такой же! Прячешься, как крыса и питаешься объедками с моего стола!

Отец вернулся с работы уставшим и сразу лег спать. Макс закрылся в комнате. Из всех звуков, что доносились до него через плотную дверь, он хотел услышать только телефонный звонок. Хотел снять трубку и услышать ее голос. Никто не позвонил ни поздним вечером, ни глубокой ночью. А он не уснул до утра, услышав под утро знакомый скрежет. Неужто и в этой квартире завелась крыса? Или это была галлюцинация, реализовавшая его тайное желание. Чтобы мама появилась рядом. Хотя бы в облике серой крысы, которую он никогда не испугается. Ведь только так мама может пробраться в этот ставший чужим дом. Где его никто не любит, и папа не замечает, как ему одиноко, как тоскливо, как ему плохо...

Генерал был занят. Проблем сына, тем более психологических, он не замечал. Макс был здоров, слава Богу. Спустя три года он отдаст сына в военное училище. И он пойдет по стопам отца. Династия!

Что до супруги, то через два года, Кораблев устал с ней бодаться. Он подумал: может, в чем-то она и права. Чего держать ее на привязи! Где в наши времена найти боевую по-

другу, соратницу-декабристку?! Женщины... Они такие, какие есть, и другими не будут. Пройти все до конца вместе с мужем – это для них невыполнимая миссия! Спасибо за сыновей и точка! Он отправил ее в Москву. Она ведь хотела в столицу – неон и свет ramпы манил.

И супруга генерала совсем там не скучала. Что и требовалось доказать... Однако, богемная жизнь артистки театра, хоть и Российской Армии, отвлекла ее от непомерных амбиций лишь на время. В какой-то момент она снова начала «пилить» генерала. И он повелся на точивший со стороны супруги упрек, внял мотивам, базирующимся на ущербной терминологии всеобщей коррупции. И перевелся в Москву с повышением.

Жена генерала должна ездить на белом джипе и иметь дачу на Рублевке – получи!

Кораблев, попирая собственные принципы, начал зарабатывать деньги, сперва кроя бюджеты по собственному усмотрению, а вскоре ввязавшись и в более серьезные дела. Иногда это были кровавые деньги. Один журналист даже окрестил Кораблева оружейным бароном. Но это было в прошлом. В прошлом журналиста, замолчавшего навсегда усилиями ребят Дугина, и в его прошлом: Приднестровском, Абхазском, Чеченском...

Он тоже заплатил сполна, потеряв сына. И вина за смерть первенца не давала покоя все это время. А деньги никогда не

считались лекарством, к тому же тот капитал, которым располагал генерал, управлялся его супругой. Это значило только одно – что скорее всего на счетах уже ничего не было. Она поддерживала только свой статус, пытаясь сравниться с женами его соседей-небожителей, чиновников, которые ничего не стесняются и выставляют напоказ кичливую роскошь.

Избавиться от опостылевшей жизни и гадкого состояния, от всех мыслей и проблем, от неминуемых обвинений в незаконной торговле стрелковым оружием, списанными задним числом танками и бронетранспортерами, в смерти ретивого борзописца... Все обязательно всплывет, ведь они, его влиятельные недоброжелатели, эти ретивые политиканы, действуют с упреждением, и все СМИ в их распоряжении...

Он писал записку сыну. Младшему, живому сыну:

«Сыночек. Прости меня за этот поступок. Возможно, моя ситуация не столь безвыходная, чтобы оставить тебя. Но навлекать на тебя гнев моих врагов в случае, если не успокоюсь и начну им мстить, я желаю еще меньше. Они сильнее и могущественнее меня. Будь осторожен. И сожги это письмо сразу после прочтения.

Я никогда ничего не боялся, не боюсь и смерти. Винить в ней никого не надо. Это мое решение. Я мог бы еще бороться, но устал безмерно. Меня хоть и похоронят с залпом караула, но бросят кости не в родовом склепе почетного некрополя, а за пределами

кладбища. Так и должно быть. Бог не простит меня, ведь я сам себя не прощаю. На мне кровь твоего сводного брата, моего старшего сына – сперва я лишил его материнской любви и ласки, запретив общаться с родной матерью, а потом отправил его в самое пекло, соблазнившись ускорением его карьеры и, представив, что мой отпрыск неуязвим. Есть и еще ошибки, которые я совершил. Надеюсь, ты не повторишь моей глупости, и твои руки не обагрятся невинной кровью. Я же выбор свой сделал. И как видишь, заканчиваю свой земной путь не праведником. Я обуеваем гневом и его последствия не заставят себя ждать даже после моей добровольной отставки. Традиции русского офицерства заставляют блюсти неписанный кодекс чести, когда душа болит, а совесть гложет. Честь имею. Служу России. А тебе желаю здоровья.»

Фельдегерь доставит письмо к КПП военно-дипломатической академии, именуемой знатоками «Консерваторией». И передаст в руки сыну.

...Генерал стоял в парадной форме перед зеркалом. Старая эмблема с летучей мышью на рукаве. Личное оружие – в руке. Дуло у виска. Выстрел. Нет больше генерала...

Его хоронили за оградой Троекуровского кладбища. Без залпа почетного караула. В присутствии лишь ближайших соратников. Жена на похороны не явилась, сославшись на

высокое артериальное давление, артистично назвав свое состояние «мигренью». Сын не мог скрыть слезы. Полковник Дугин молчал. Именно он взял на себя все организационные хлопоты. Купил гроб, нанял катафалк и пытался договориться с батюшкой об отпевании.

– Пушкина ведь отпевали. А дуэлянты приравниваются к самоубийцам, батюшка... – уговаривал перед похоронами Дугин.

– Поэт раскаивался и исповедовался перед кончиной, а Марину Цветаеву довел до рокового шага голод, истощение и моральное, и физическое. Помешательство, так сказать. Да и ходатайствовали за нее из епархиального управления. А ваш генерал – некрещеный даже. – Батюшка кладбищенского прихода не соглашался ни в какую.

– А Есенин? Его ведь отпевали... – демонстрировал свои ритуальные познания полковник.

– Так его в питерском «Англетере» чекисты удавили, такие ж, как твой генерал. Вы что ж, думаете, он по своей воле, добровольно из жизни-то ушел?

– Думаю, да. Баба довела. Танцовщица Айседора Дункан. А мой генерал – не чекист, батюшка, он военный разведчик.

– По мне так одно и то же. А на Есенина поклеп не наводи.

– Не в моего ты бога верила,

Россия, родина моя!

Ты, как колдунья, дали мерила,

И был, как пасынок твой, я.

Это Есенин, батюшка. И он ушел из жизни сам. Отпойте генерала!

– Нет!

Ни аргументы, ни крупные купюры в валюте не смогли убедить священника, что генерал наложил на себя руки не в результате гнева или холодного расчета, ропота или неверия в милость Господа, хулы и богоборчества. Старец был непреклонен и неподкупен.

Памятник водрузили сразу, он был без креста и фотографии покойного. Могилу выкопали как-то небрежно. Гроб клали косо, едва не перевернув. Дорогой венок был лишь один – от спецназа ГРУ. Перед тем, как пригласить присутствующих на поминки, Дугин увидел кладбищенскую крысу, посчитав ее появление хорошим знаком.

Глава 3. Пасечник.

Впервые в жизни полковник Дугин летел на частном самолете. Это был Dornier 328 VIP. Комфортно, ничего не скажешь. Белые кожаные кресла, каких нет у него дома, стол из ореха и кавролин с гербом Тироля. Приветливая бортпроводница поднесла коньяк. Он выпил очередную порцию за милых дам, глядя на пародийный портрет графини средне-

векового Тироля Маргариты, больше похожей на мужчину в женском одеянии. Такая дама любого мужика нокаутирует.

Осушив бокал, он попросил виски, чтобы выпить за здоровье всех некрасивых женщин мира, сообщив при этом стюардессе, как ей повезло, что она такая красotka.

– Виски и коньяк вместе? – улыбнулась девчушка в смешной пилотке, скроенной по образцу Люфтваффе.

– Ничего страшного. И не такое мешал в лейтенантскую бытность, особенно в Афгане...

В ладони Дугин мял визитку, которую всучил ему генерал Кораблев за день до того, как застрелился. Эта была визитка человека, на чьем самолете и к кому в гости летел действующий полковник ГРУ Дугин. Официально он летел в отпуск в австрийские Альпы покататься на лыжах. Неофициально – на встречу с высокопоставленным пенсионером, пенсии которого оказалось достаточно не только для содержания частного авиатранспорта, но и целой армии вооруженной охраны.

Именно так. В аэропорту полковника встречали семь английских джипов «Рэндж Ровер». По старой привычке он пересчитал личный состав – ребят было ровно двадцать человек. Выправка военная. Почти все русские. Два-три немца и один негр, которого было трудно не выделить – уж очень похож на Анелька – французского футболиста. Дугин давно болел за ЦСКА, а Жирков, хоть и метался теперь между «Челси» и «Анжи», числился практически в его кумирах.

Еще свежи в воспоминаниях были те два гола, которые вка- тили Жирков и Анелька «мясу» на матче «Спартак-Челси». Дугин тогда находился на трибуне и сорвал глотку. Сорвал, крича на английском языке, и находясь в толпе английских болельщиков. Развлечение что надо. Спартаковские фэны, включая «фирму Фратрия» смотрели голодными глазами, а он щекотал свои нервы! Ощущение незабываемое...

Такое же незабываемое, как Альпы. Где-то здесь совер- шил свой знаменитый переход с непобедимой русской арми- ей гениальный Суворов! К снегу русскому воинству не при- выкать! Особенно если армией командует полководец, а не мебельщик! Надо выполнить последнюю просьбу генерала – он просил уволить министра. Просьбу наставника Дугин воспринимал как приказ. Завет надо выполнить и уволить дилетанта.

На их жаргоне термин «уволить» мог означать разное. Са- мый легкий способ уволить человека – сделать так, чтобы его не стало. Однако, есть и иные способы. Об этом еще пред- стояло подумать. Сейчас же Дугина более всего волновала судьба его детища – проекта «Крыса» и судьба Макса, того самого сына Кораблева, который, по мнению генерала, погиб в Чечне, а по глубокому убеждению полковника Дугина – был живее всех живых. Но доказать сей непреложный факт генералу при жизни так и не удалось...

Генерал хоть и не верил в это, но о проекте «Крыса» все же особо не распространялся. Можно сказать, вовсе мол-

чал. Люди из СВР перекопали все в кабинете покончившего с собой генерала на Ходынке и в канцеляриях всех его приближенных. Несколько дней клеили полоски донесений с грифом «совершенно секретно», измельченных шредером. Аппликаторы! Нашли все, кроме бумаг «Крысы». Документы заблаговременно уничтожил, превратив в пепел, куратор проекта – полковник Дугин. Теперь все зависело только от конспирации. А конспирация требовала больших средств...

– Вы правильно сделали, что позвонили моему помощнику... – пожав руку полковнику, сказал пенсионер, лицо которого было Дугину до боли знакомо.

– У меня не оставалось вариантов. Генерал был отцом родным, порекомендовал к вам обратиться... – ответил Дугин. Он не любил плутать вокруг да около.

– Так обращайтесь, только сперва отведаем чаю с медом. Чай ведь – это целая церемония, а целебные свойства меда мало изучены.

«Точно, – вспомнил Дугин, – Это Пасечник. Под этим прозвищем был известен бывший губернатор одного из крупнейших регионов России, ушедший на покой после слива компромата в прессу. Ему инкриминировали коррупционные схемы, позволившие обогатиться его супруге настолько, что она по версии «Форбс» стала богатейшей женщиной планеты. Как же постарел губернатор. А в этом рыцарском забрале из сетки его вообще не узнать!»

Дугин был в курсе, что Пасечник на крючке у Кремля.

Фигура битая, но не сломанная. Партия его проиграна, но ресурсы и связи колоссальны, причем коллеги из Второго управления, курирующие Великобританию, как-то приватно поделились с полковником, что лишённого власти и обиженного на Кремль Пасечника активно разрабатывают как в Лэнгли, так и в Ми-6. Но он торгуется, хитрит, требует гарантий безопасности его, семьи и инвестиций, своих и партнеров. Делает промежуточные шаги, дает популистские интервью, заигрывая с прессой, демонстрируя уверенность в своей неуязвимости. Дуга считал это блефом. Но признавал, что Пасечник умеет сохранять достойную мину при плохой игре. Толпа переменчива, и ей нравятся изгои. На Руси особенно.

А этот изгой за годы своего правления обеспечил себе такой запасной аэродром, с замками и поместьями, что мама не горюй! Плюс он до сих пор осторожен. Стенограмма разговора Пасечника с еще одним политическим трупом, но с еще более колоссальным ресурсом, известным под прозвищем Энеджайзер, попала как-то перед измельчителем бумаги на стол к Дугину. Дуга удивился, что бывшие враги очень быстро спелись после опалы. Но еще более поразился предмету разговора.

Они говорили на уровне гипотез, но смысл был ясен – они оба размышляли о том, кто может в России стать лидером оппозиции, фактически возглавить бунт. Не о том же думал и он, продвигая свою «крысу»...

Опальных политиков интересовали детали. Они были не глупы, раз касались в этом щепетильном разговоре даже времени года, когда следует поднимать народ. Конечно же, весной, аккуратно после выборов, когда на улице тепло, и мороз в естественном союзе с МВД не ломит кости бунтарям.

Пасечник и Энеджайзер, ранее непримиримые противники, теперь словно каббалисты ходили с одним кадиллом, ворковали у одного сосуда и раздували совместный костер. Их Голем, эдакий прототип попа-provokatora Гапона, не из глины, а из плоти, представлялся обоим лицом незамыленным, новым, раскручивающимся на волне народного недовольства и обещающим всем стратам именно то, что они ждут от лидера. Пригож лицом и образован. Оратор и бесстрашный исполин. Блондин и Алладин. Для наци фюрер, для красных – Троцкий, для либералов чуть ли не Гайдар.

Дугин лишь поразился совпадению стратегий, его, опытного практика оперативной работы и этих демагогов. Но полковник не воспринял всерьез замысла нажившихся на народном страдании чиновников. Он посчитал все это кухонным трепом, имеющим мало общего с реальным заговором. Эти люди публичны, а перевороты любят тишину.

Много позднее он услышит фамилию Невольный, вынырнувшую словно из ниоткуда, но поддержанную будто невзначай блогерами, сетями, радиостанциями, газетами и интернет-ТВ. Блогосфера и интернет-сообщество, как платформа новой реальности, все-таки вдохнула в Голема жизнь, но Ду-

гин не верил в способность человека из виртуального мира стать героем наяву. К тому же это был не мистический персонаж, а обычный парень. Очень грамотный и способный. Но далеко не Геракл.

А значит, он легко мог заболеть или упасть, разбиться и не взлететь. Дугин с недавних пор полагался только на сверхъестественное... У него был для этого повод. Однако, он уже тогда знал, что в борьбе за власть любые средства хороши, и даже временные союзы с потенциальными конкурентами. И тем паче использование их ставленников, которых легко превратить в мучеников, ведь этот Невольный, их Голем, уязвим в отличие от его детища...

Хозяин поместья предложил полковнику прогуляться.

– Здесь моя пасека. – устроил экскурсию владелец тирольского логова, – Улей – это целое государство. Со своим порядком и неписанными законами. Самое важное звено – пчеломатка. Она рождает рабочих пчел. Рабочие пчелы собирают пыльцу и генерируют мед. И они же уничтожают трутней. И всем это регулирует пасечник. Без него никак нельзя. Ведь трутни не так бесполезны, как многие думают. Они оплодотворяют пчеломатку. У них вместо жала совокупительный орган. И не смотря на то, что трутни едят в три раза больше меда, чем обычные пчелы, они не бесполезны и в какой-то степени героичны. Ведь они погибают сразу после совокупления с маткой. А тех трутней, что остаются в живых, изгоняют. Изгои, так сказать.

В этот момент с неба, словно в подтверждение слов Пасечника, рухнула крупная пчела, видимо трутень.

– Так вот. – после паузы изрек бывший губернатор, – В неблагополучных ульях трутней слишком много. А у хорошего Пасечника их ровно столько, сколько надо для оплодотворения пчеломатки. Она восседает на троне и взирает на медоносный процесс. А Пасечник собирает урожай. Понятно?

– Понятно, но меня больше интересуют крысы, – без обиняков заявил Дугин, прямо и по-военному резко, о чем пожалел, но лишь на мгновение, так как Пасечник упивался своим рассказом о трутнях-изгоях, Пасечнике и пчеломатке.

– И вот, когда процесс налажен, и мед льется рекой, появляется кто?

– Не имею представления, – искренне ответил Дугин.

– Виннипух! Медведь, медвежонок коала, гризли, что лезет не в свое дупло. Что сует лапу в чужой улей. Облизывает не свой горшок!

– Медведь?

– Именно он. Что прикажете делать?

– Он медведь. Пчелы тут ничего не смогут сделать, пожужжат и все. Ну, может ужалят. Но не смертельно.

– Не скажите. Пчелы – это прежде всего рой, организация. И у них очень много меда. Достаточно, чтобы найти на медведя управу и заставить его, к примеру, впасть в спячку!

– В спячку?! – выпалил Дугин свой вопрос, наконец, до-

гадавшись, что именно требуется от него. Ему предстояло не только «уволить» министра самой большой силовой структуры, но и отправить в спячку самого президента, если он правильно понимал «пчелиный расклад» Пасечника. Комар носу не подточит. Никакого заказчика, никаких исполнителей. И никакой микрофон не страшен. Пчелы, крысы и медведи...

– Надеюсь, мы поняли друг друга. Ведь я то вас понял. Я на счет крыс. И вот доказательство моего понимания. Спасите не только своих крыс, но и моих пчел...

Пасечник протянул Дугину кредитную карточку «Райффайзенбанка» с конвертиком для пин-кода, развернулся и пошел в дом, пригласив гостя на чай с медом.

Русское чаепитие в альпийском пейзаже выглядело искусственным, в Австрии следовало бы откусать венский шницель и выпить кофе «меланж». Да и мед был приторно сладким. В загоне резвились породистые жеребцы. Роскошные гривы кобыл обдувал порывистый ветер заснеженных гор, с которых наверняка за двумя собеседниками наблюдали русские разведчики из параллельной структуры. Дугин отдавал себе в этом отчет, но держа в руках вожаделенную карту, был уверен, что «проект Крыса» при нынешнем финансировании делает его протее, а значит и его самого, практически неуязвимым. Не об этом ли мечтал генерал Кораблев, когда видел в своем первенце исполина, который способен справиться с любым головорезом голыми руками.

Полковник хотел лететь обратно, в Россию, но Пасечник еще час говорил о политике. В ней полковник Дугин и без него разбирался. Это раньше он хотел лишь служить и выполнять приказы, правда, лишь те, которые обеспечивали надежную защиту его Родине. А не те, которые разрушали ее. А раз некому теперь отдавать такие приказы, значит, он волен сам распоряжаться своей судьбой и жизнью своих соратников. Теперь приказы будет отдавать он сам.

Дугин, конечно же, понимал, что имел в виду бывший губернатор, когда говорил о мифах и реальности, о противоречиях и союзах, о кланах и лоббистах. О том, что в политике нет долгосрочных тандемов, верной дружбы и бескорыстного товарищества. Что все изменится к концу 2012 года, что сразу после выборов, в апреле произойдут невиданные волнения масс, которые сметут режим. Что медведь и коршун правят каждый в своей вотчине, а настоящего льва «они еще увидят»... Что все дело в меде, и Пасечника еще вспомнят. И призовут в период двоевластия, нестабильности, разгула преступности. Когда обострится классовая и межнациональная рознь. Когда Москва разделится на анклав. Когда вместо закона будет править уличный кодекс чести, правило сильного. Когда этнические кланы выйдут из повиновения, а националисты начнут погромы в гетто. Когда толпу возглавит молодой лидер, новый и бескомпромиссный. Ну, конечно же, он имел в виду Невольного... И даже, если он погибнет в месиве, то превратится в знамя, станет идиологом

сопротивления! Мучеником! И тогда начнется Бойня!

У Пасечника горели глаза, когда он говорил о русском марше! Надо же, не он ли открыл шлюзы диаспорам и продал им самые лакомые куски московской земли? Теперь он готов примерять шлемы Минина и Пожарского. А ведь тут половинчатая тема не пройдет. Наци чувствуют подвох. Мало кричать «Я за русских!» Жирика они освистают и не встанут под его знамена. Так же поступят и с ним. И с Энерджайзером. Штурмовики за своего примут только убийцу! Или убитого во имя резни. По ходу Невольный, не по своей воле, конечно, будет призван именно для этой роли. Пасечник много знал. А ведь его все сбросили со счетов. Неужто забыли про его счета в Америке, Швейцарии, Англии... Он остался могучим, и Кремль лишь ранил зверя. Не добив его. И это было ошибкой. Инициатива утрачена. И теперь ему, улыбающемуся на бестолковых допросах, куда его вызывают лишь в качестве свидетеля, не придется заявить о себе. Вопрос «Пенсии что ли не хватает?» не для него, уверовавшего в свою исключительность и потерявшего чувство реальности. Зачем он так суетится, когда «квартирный вопрос» решен? Этот вопрос тоже мелок, когда в руках одного человека были сосредоточены все рычаги управления третьим Римом...

Львы, коршуны, медведи... Дугин был вынужден слушать, не перебивая, и не показывая своего презрения. Он умел сдерживать эмоции. Он не позволит воспользоваться хаосом врагу, волею судьбы ставшему его финансистом. Па-

сечник – труп, по ошибке закопанный со скарбом. Времена подобных захоронений фараонов и вождей ацтеков канули в Лету. Труп придется эксгумировать ради сокровищ, а затем повторно сбросить в яму. Но не сегодня.

– Подлоги. Фальсификации... Я как никто другой, знаю, как будут осуществляться подтасовки на выборах. Я подскажу, как Кремль все устроит, чтобы набрать нужный процент. Административный ресурс не перекроют никакие наблюдатели. Вбросы бюллетеней по принципу «карусели» гарантированы. И мы все это покажем. Народ выйдет на улицы!

– Тут мало только пассионариев и активистов с рупорами. – наконец, вставил Дугин, – Тут нужны люди действия с оружием.

– Вы о националистах. Я, конечно, понимаю, что реальное силовое воздействие, можно ожидать только со стороны радикалов, но все же думаю, что возможно бескровное разрешение противоречий. – обтекаемо и витиевато изрек Пасечник.

– Бескровное!? Это война. – резюмировал Дугин, – Без радикалов революции не делаются. А революции бывают только цветные. Применительно к России они могут быть либо красные. Либо коричневые. Оранжевый вариант у нас не пройдет.

В знак согласия Пасечник молча кивнул.

«Надо же, согласился, – подумал Дуга, – В мутной воде можно выловить золотую рыбку. Она ловится только во вре-

мя шторма...»

Дугин вовсе не боялся шторма. И так же, как обиженный губернатор, хотел этого цунами. Полковник не хуже Пасечника знал, что Запад тешится иллюзиями и глубоко заблуждается, что сколько-нибудь серьезные волнения в России могут быть инспирированы за океаном...

«Эти напыщенные масоны и их корпулентные аналитики только и поспевают, что вскакивать на подножку уходящего вагона. – думал Дугин, – Но их мечта иллюзорна и нереализуема, ибо нет у них боевого духа. Даже хаосом октябрьской революции и гражданской войной интервенты не смогли воспользоваться. Расчлененная, ослабленная Россия скоро вновь стала крупнейшей империей! Волей вождя, способного направить тайфун народного гнева себе в угоду и управлять народной стихией...»

Стихия масс – вот что движет непредсказуемой Россией. А в раскачанной лодке остаются только профессиональные гребцы. Остальные – за борт. Бушующее море рано или поздно успокоится. Ему поможет успокоиться только истинный вождь, кому сам народ делегирует право казнить и миловать. Народ, уставший от хаоса и крови. И увидевший мессию в том, кто этот хаос прекратил! Вот именно! Не породил, тут надо вовремя свалить вину... А прекратил! И для этого надо пролить кровь. Народ – эта серая масса, которая не принимает аргументы разума, зато послушно внемлет страху!

Страх толпы легко превратить в подобие любви, в подо-

бострастие перед всесильным диктатором, вершителем суда и гарантом мира. Намного легче, намного быстрее, чем страх думающего индивидуума трансформируется в почитание и любовь к справедливому пастырю, который крестит своих адептов в святых водах, а не в багровых реках крови...

Дугин был окрылен. Он чувствовал такую свободу впервые в жизни. Он никому больше не подчинялся. И сильные мира сего заискивали перед ним, человеком действия. Сильным и волевым. Он знал, что когда-нибудь попадет в высшую лигу. И это только его заслуга... В этих размышлениях о своей роли могла дать сбой только адекватность, но не решимость осуществить великий замысел.

Какая роль в планах Дугина, будущего диктатора, уготована крысе?..

Перед тем, как откланяться, Дугин признался Пасечнику: – Я ведь знаю о Невольном. Но вы правильно делаете, что не верите до конца своему бывшему оппоненту Энерджайзеру. Он думает, что создал ручного киборга. Самоорганизующуюся и саморазвивающуюся машину. На самом деле это всего лишь кукла из папье-маше, которую вмиг сожрут кремлевские грызуны. На них нужна только настоящая боевая крыса!

Глава 4. «Отец».

На исследовательскую работу конспиративной лаборато-

рии, расположенной в пределах Садового кольца, в элитном доме на Композиторской, теперь были деньги. Дугин уволился со службы, предполагая при этом, что не бывает бывших разведчиков. Сотрудникам медицинского центра вовсе не следовало знать, кто финансирует проект. Все, включая профессора Функеля дали подписку о неразглашении.

Отчет Функеля порадовал Дугина. Их подопечный уже мог общаться. Взглядами, жестами, редко – словосочетаниями. Главное – он понимал смысл и мог разобрать, что от него требуется. Опорно-двигательные функции пребывали в идеальном состоянии. Аппетит был отменным. С каждым днем мышцы подопытного наливались силой. Тело становилось мощнее. Макс удивительным образом превращался в то самое оружие, о котором мечтал полковник. По крайней мере, визуально все обстояло именно так. Мечта становилась явью. В лице генеральского сыночка Дугин обретал идеального био-киллера. Бойца, которому не нашлось бы равных ни в одной из армий мира. Это выглядело круче того фурура, что в свое время наделал автомат Калашникова. Это походило на революцию, отцом которой являлся Дугин. А значит, Макс мог по праву считаться его сыном!

– Ну что, сынок! Готов к настоящей работе? – спросил полковник, когда после глубокого сна в кислородной камере Макс открыл глаза.

– Я готов. – спокойно ответил Макс.

– Я никогда не буду приказывать тебе, только просить,

ведь я – твой отец... – тихим вкрадчивым голосом произнес Дугин.

– Отец... – шепотом повторил Макс, и Дугину на мгновение показалось, что в голосе его личного био-киллера появилась дрожь. Да нет, только показалось. Кудесник Функель должен был подарить только мощь и силу, а не возвратить прошлое, а тем более память о нем. Он обещал чистый лист с несколькими кляксами из смутных, отрывочных воспоминаний. Такие ранения в голову подпадают под классификацию невосполнимых потерь. От парня, пребывающего в коме четыре долгих года, отвернулись все. Даже у генерала опустились руки, и он смирился с потерей сына. Все бросили его и перестали надеяться на чудо. И только он, Дугин, не сдался, уговорив генерала провести над его отпрыском эксперимент.

Опыт удался. Чудо свершилось. Его результатами генералу не насладиться. Наслаждаться будут только те, кто не сдастся! С помощью этого мальчика Дугин отомстит всем врагам, и не только личным. Но и врагам народа!

– Да, отец! – твердо подтвердил Дугин, а на случай, если Максим все-таки что-то вспомнит, добавил, – У тебя никогда не было ни отца, ни матери. Они не достойны тебя. Они оставили тебя оба. Самоубийство – это верх эгоизма, особенно, когда после тебя на земле остаются дети. Впрочем, твой биологический отец не верил, что ты остался. И это единственный аргумент, который его хоть как-то оправдывает. Теперь я – твой отец. А матери у тебя никогда не было. Родить и

шлюха может. Случайно. По залету, но может...

Глава 5. Гражданское лицо.

Дугин перебирал свои паспорта. США, Ирландия, Франция. В деньгах он не испытывал недостатка. Однако, уезжать он не собирался. Но для того, чтобы остаться – нужно было многое сделать... И он был готов к действию. Теперь он богач – Пасечник не поспешил. Дугин был не стар, хотя молодость упорхнула из храма его души мимолетным миражом. Дородный, бритый под ноль, он начал так бриться с того самого дня, как обнаружил первую залысину, с чеченским шрамом на лбу, с рассеченной бровью и глубокой бороздой на щеке, оставленной одним китайцем-кунгфуистом в Сингапуре.

Он стоял у зеркала в одном из бутиков на Новом Арбате. В цивильном приталенном костюме «Пол Смит» он показался себе вполне импозантным. Полковничий китель с планками шел ему не меньше, но его, похоже, он забросил надолго, а скорее всего – навсегда.

- Вам нравится? – спросила продавец-консультант.
- Нет, – честно ответил Дугин, добавив, – Заверните...
- Будете платить наличными или картой?
- Медом... – пошутил Дугин и протянул карту.

Ему стукнуло сорок пять. Рост средний, но за счет взбитого тела он выглядел намного выше. Бросались в глаза его

массивные руки с килограммовыми кулаками. Отелло в известном миру хрестоматийном моменте аффекта, возможно, позавидовал бы этим гигантским ширококостным ладоням с огромными пальцами.

В спецназе его прозвищем было производное от фамилии – Дуга... Красивый оперативный псевдоним. В военной разведке попроще с этим, чем в СВР, никто ничего не навязывает, ведь они делали черную работу, за которую ему не стыдно. Наоборот, не будь этих политиканов – они бы доделали ее до конца. Почему не дали взять Тбилиси? Почему не дали распять этого Микки Мауса? Взяли бы на себя все, оставили бы все на своей совести. Идет война. А значит – надо убивать врагов. А они везде, повсюду, крысы даже среди своих. Их может обнаружить только существо с особым нюхом. Подобное тянется к подобному. Их обезвредит его собственная Крыса. Всех предателей, кого выявит Дуга...

И пусть кто-то скажет, что Дуге и его ребятам куковать в преисподней. Там, у дьявола, у спецназа должны быть привилегии. Иначе, адский трон зашатается, и черту не сдобровать! Заповедь «Не убий» трактовалась Дугиным так: убивать нельзя из корысти, преднамеренно, а убийство врагов, даже превентивное, есть защита, самооборона. А смерть – она не страшна. Все умирают, но не все живут по-настоящему, не все испробовали в жизни вкус братства, чести и долга. Далекое не все могут понять, что есть «срыв башки», который наступает даже не вследствие контузии, а только от вида

истерзанных тел солдат с отрубленными головами. От вида подвешенных человеческих тушек с отрезанными гениталиями, бесконечных слез матерей, в которых плюют, которых бьют, которых унижают, но которые верят и ищут пропавших сыновей.

Однажды Дугину предложили отдохнуть в реабилитационном центре в сосновом бору. Они сказали – подлечиться... Генерал Кораблев тогда отмазал от этих трупов, что взял на себя Дугин в казацкой станице. Изнасилованная девушка тогда искала защиты и нашла ее у казаков. А казаки с чеченцами не справились. Те были вооружены лучше, да и милиция помешала. Ночная зачистка не была санкционирована. Но Дугин умел моделировать ситуации. Он отомстил, и его никто не сдал. И он до сих пор считал, что правильно все сделал. Ему начальники не нужны. У него была своя вышколенная и проверенная маленькая армия. И он был в ней верховным главнокомандующим...

У него были надежные люди. И на службе, вся армия, прозябающая в безденежье вне зависимости от цен на нефть и газ, думала так же, и, особенно, среди отставников, которые возненавидели слово «модернизация» мгновенно, считая этот термин синонимом «перестройки». А перестройка не сулила ничего, кроме хаоса. Хотя он ждал именно его.

Хаос... Анархия... Это волнующее состояние, когда власть не институциональна, а зиждется на авторитете личности, на Батьке. Сильной и справедливой фигуре. Когда за-

кон и слово – суть одно, и когда суд не продажен, ибо самосуд вершится на улице, а не с кафедры. Дугин предчувствовал, что его война началась. И что бы там не говорили про неприступные редуты властной вертикали, он и его парни возьмут их приступом. «Еще поглядим, что крепче! – размышлял полковник, – Ваша вертикаль, или моя горизонталь, наше братство, круговая армейская порука, войсковое товарищество. Путч!? Сильное слово! Лучше, чем революция. Ведь неудавшаяся революция есть мятеж. А вот путч – всегда переворот. А переворот – это вам не перестройка! Так как перевернув, он сохраняет целостность. А чтобы перестроить – сперва надо разрушить. Мы вам этого не позволим! Нам не реверансы нужны в сторону СССР, нам надо вернуть СССР!»

– Они то говорят, что у тех, кто не жалеет о разрушении СССР нет сердца, то считают политическую провокацию допустимой. Так и в царской охранке считали. Только потом старый зубр охранки полковник Зубатов, создавший и взлелеявший всех этих террористов-народников и революционеров, понял, какого монстра он породил, и застрелился. Сегодняшние его преемники не застрелятся – мы сами их поставим к стенке! – поделился Дуга перед давними своими соратниками.

...Его главным секретным оружием был Макс. Молодой, энергичный, неуязвимый. Невероятная история, в которую верил сначала только придурковатый профессор Функель,

не нашедший поддержки ни в одном из НИИ Министерства обороны, стала реальностью. Дармоеды с докторскими корочками тогда не пожелали даже выслушать бедолагу. А Дугин, встретивший профессора на опознании «груза 200» в Ростове, понял, что познакомился с родственной душой. Ведь они хотели одного и того же – чтобы солдат мог убивать и оставаться при этом практически неуязвимым, особенно с точки зрения психики. Гнев – плохой попутчик для разведчика. Сила солдата не в проявлении ярости, а в нерушимом спокойствии.

Дуга открыл финансирование проекта. Благодаря генералу Кораблеву. Единомышленнику, старшему товарищу, который выбил деньги. Скучные, правда, средства, но их хватило на начало смелого эксперимента. Над сыном генерала, в воскрешение которого сам Кораблев не верил априори. Но не беда. Важнее была уверенность светила психотерапии и нейрохирургии. Функель согласился на кабальные условия Дугина, засекреченность исследования, на кредит, измеряемый не процентами, а годами жизни.

Глава 6. Революция.

Лаборатория профессора Функеля в секретной клинике на Композиторской кишела отставными медиками с военной выправкой. Многие из них утратили связь с армией не добровольно, а по сокращению министра, ликвидировавше-

го институт военной медицины одновременно с военной судебной системой и армейской журналистикой. Вениамину Функелю, сенсационно осмеянному коллегами менее года назад на международном симпозиуме по прикладным наукам в немецком Штутгарте, здесь было на кого опереться. Его гипотезу об изменении подкорковых функций головного мозга путем оперативного вмешательства не получила положительного отклика. Ее посчитали псевдонаучной. Без доказательной базы, без исследовательской работы, экспериментов над подопытными животными, с ними трудно было спорить. Он сильно сдал после того фиаско. Но упорно продолжал работу.

Над ним буквально издевались эти заскоруждые всезнайки, вся медицинская практика которых сводилась к аппендикусу в самом безобидном случае, а в основном – к плагиату, бездумному использованию чужих разработок, присвоению чужих заслуг. Ну и заискиванию перед новой кремлевской знатью. Одновременно они не скрывали своего пренебрежения к «черни», к коей они относили всех, кто стоял в табели о рангах ниже армейского генерала, представителя администрации президента, высших офицеров МВД и ФСБ, и серьезных бизнесменов. Все ранжировалось четко: МВД курирует малый бизнес, ФСБ «крышует» крупный... Доктора лечат за деньги тех, у кого деньги водятся. Остальные – в очереди. А какое здоровье нужно иметь, чтобы выстоять в нашей очереди! Раз они в ней стоят – значит, могут выздо-

роветь сами.

Функель не отчаивался. Он был фанатиком науки. Наплевать! Они просто завидовали его открытию. Да, именно так он считал. Иначе самые бездарные, но шустрые, не навязывались бы в соавторы. Он отфутболивал всякого, кто приближался к его «священной корове». К выстраданной им и только им гипотезе, обоснование которой профессор изложил в своей монографии. А доказать ее он собирался эмпирически.

Сперва от обратного. Опыты над грызунами привели к фантастическим результатам. На начальном этапе новорожденным крысам удаляли часть головного мозга. А на ее место вживляли стволовые клетки человека. Поразительно, но всего через несколько недель в ста процентах случаев выяснялось, что клетки не только приживались, но и начинали создавать новую структуру. При этом человеческие клетки создавали устойчивые связи со всем организмом крысы и действовали, как часть мозга грызуна. Функель предположил, что пораженные участки человеческого мозга можно восстановить, имплантировав крысиный мозг. Для этого потребовалось много времени, большие деньги и «тепличные» лабораторные условия. А главное, человек. Подопытный образец. Законно найти человека для подобных экспериментов Функель бы не смог. Такого человека могли предоставить только спецслужбы. Это мог быть или зэк или первопроходец из готовых на все военных. Благо, на жизненном пути Функеля

возник Дугин.

Теперь у него были доказательства. Научное обоснование. Аргументы. Его тетрадь стоила миллионы. То, что он сотворил практически в одиночку, в операционной, являлось неопределимым вкладом в развитие цивилизации... Он прооперировал человека. Раненого бойца, и поставил его на ноги. Он готов был кричать об этом, чтобы заткнуть своих оппонентов раз и навсегда. Но не мог. Вынужден был молчать. Почему? Во-первых, у этих пустомель в синдроме Фомы неверующего появился бы козырь в их бессильной, а оттого заведомо проигрышной борьбе с истинным знанием. Истина неистребима, но носители ее – живые люди. Они обвинили бы его в антигуманном отношении к человеку. А во-вторых, что важнее и являлось определяющей причиной «омерты», правила неразглашения тайны, он дал слово своему благодетелю, Дугину, держать язык за зубами.

Дугин. Умнейший, проницательный, волевой, страшный... Он поверил в теорию Функеля. Он убедил государство, это инфантильное, самоустранившееся от всего, дистанцировавшееся от проблем коррупции, миграции, экстремизма, ксенофобии, от всего, что действительно волновало граждан, государство, финансировать этот великий проект и предоставить для эксперимента пациента. Пройдет немного времени, страсти поутихнут, Дугин доложит кому надо, и ему, скромному ученому, воздадут по заслугам. Государственная премия, орден за заслуги перед Отечеством,

почет и уважение, а может дадут с барского плеча дачку в Переделкино, как поощряли в старые добрые времена Советов лучшие умы.

Максим... Максим теперь был не просто человеком. Он одновременно был и человеком, и крысой... Необыкновенной крысой. Хотя, обо всем по порядку и всему – свое время...

А пока профессор Функель с одержимым блеском в глазах рассматривал в микроскоп похожее на грецкий орех содержимое вскрытых черепков подопытных крыс. Эти грызуны поменьше того. Тот серый самец был настоящей бойцовой крысой. Ему не было равных. Победитель, вожак, безжалостный убийца. Дугин потребовал осуществить пересадку подкорковых узлов именно этого самца. В интересах ведомства.

Явное преобладание инстинктов агрессивности над самосохранением – вот что на самом деле привлекло Дугина. Отсутствие свойственной человеку внутренней борьбы мотивов, бесповоротность суждений и умозаключений, беспредельная уверенность в правильности своих действий, мгновенная реакция на любой раздражитель, уникальная изворотливость и приспособляемость к условиям среды, паразитическая живучесть. То, чего так не хватает человеку разумному, обремененному условностями социума, доктриной филантропии.

Революция в области высшей нервной деятельности, – суть открытия сводилась к процессу, обратному дарвиниз-

му. Правда, для полковника Дугина открытие носило практический смысл и имело сугубо прикладной характер. Максим стал инструментом его борьбы.

Методы вендетты Дугин выбрал изощренные. Победа достается дерзким. И вооруженным. Расшатать ситуацию в России элементарно. Именно этого требовал текущий момент. Хаос – самое надежное прикрытие для безнаказанной мести. Массы – это толпа. У толпы свои поводыри, люди духовно низкие и с такими же низменными лозунгами. Плодами их усилий должны воспользоваться истинные лидеры, и если гнев – оружие страсти, то хитрость – оружие идеи. На первом этапе потребуются бойня. Она приведет к власти. Ну, а путч возглавят заслуженные офицеры...

Глава 7. С чего начинается родина...

– Не сотвори себе кумира! – кричал Красс. Кличка Красс принадлежала вожаку «братства» Василию Красову. Он собрал своих татуированных бойцов в пивном ресторане на Сухаревке, где двадцать четыре плазменных экрана могли быть разбитыми в любую секунду, если бы «Спартак» не сровнял счет. – Рабы зажрались! Бегают как подстреленные, а мы в них еще не стреляли! На хрена столько черномазых нигеров в команде!

Затем уязвленный ничьей Вася, наверняка уверенный что «рабы» восстали, решил, что подавить «восстание» сумеет

только он. Так же эффективно, как Лициний Красс, будущий триумвир Рима, разбил армию рабов Спартака. Прямо сейчас Вася не мог распятать вдоль «Аппиевой дороги» продажных футболистов и их не по заслугам высокооплачиваемого тренера, причастных к договорному, на взгляд Красса, матчу.

Поэтому свой гнев Вася обратил на музыкантов дешевого оркестра мариаччо в сомбреро, обслуживающего банкет не болеющей ни за каких футболистов компашки. Людей, отмечающих чей-то день рождения, напрягало соседство футбольных фанатов, но они продолжали отдыхать за столом неподалеку от сценического подиума, высказывая замечания лишь метродотелю. Тот только кивал и обещал утихомирить бритых парней. Как только найдет хозяина или хотя бы охранника...

Музыканты имели восточную внешность, что в данный момент послужило им приговором. Бритоголовые парни вытолкали их со сцены. Самый ретивый из бритых снял майку, гордо обнажив коловрат на груди и заорал в микрофон:

– Россия для русских! Москва для москвичей! Слава России!

Он вскинул руку в фашистском приветствии, завершив свой спич призывным возгласом: «Зига!» Кое-кто из ребят Красса ответил: «Зага!» А Красс на это только осушил очередную кружку пива.

К оголтелой братии подошел какой-то кавказец со стиль-

ной бородкой, хорошо одетый. Видно кто-то из владельцев. Не из пугливых. Подошел с одним охранником, стоящим с трясущимися поджилками вдалеке.

– Ребята. Вы мешаєте моему бизнесу. Люди, чьих музыкантов вы прогнали со сцены, проплатили банкет... Они кстати, евреи. А я армянин. И это моя страна, так же как ваша, я здесь родился и вырос. И вы пьете дешевое пиво в моем заведении. Ваш чек – копейки по сравнению с чеком той компании, которой вы мешаєте. Милицию вызвать?

– Ты милицией меня хочешь напугать? – наконец, поднял голову Красс. – Или хачами своими?

– Я не хочу никого пугать, здесь у нас отдыхают вне зависимости от наций. Полно иностранцев. Вы что хотите?

– Стрелки.

– Что, по девяностым ностальгия?

– Ладно, пусть играют... – смягчился Вася. – Мы не против. А ты молодец, смелый. Единственный. Кто не засунул язык в жопу. Подошел и стал защищать свой бизнес. У каждого своя борьба... Учитесь, братва, вот один с тощим охранником, подошел. А нас тут десять человек! Это есть храбрый хач, не баран, не чурка! Ладно, хачик, иди своей дорогой, мы щас допьем и ретируемся. Бить твою мебель и телевизоры не будем не потому, что у тебя камеры стоят. А потому, что у меня вызвал уважение твой поступок.

И они действительно скоро ушли. Как по команде. Пар выпустили на улице, в спальном районе. «Карлики» зарезали

узкоглазого дворника – киргиза, который имел неосторожность подметать двор до рассвета.

Интермедия мечты и грусти.

У Кадырбека, так его назвала мама, была мечта. Нет, у него все было в порядке. Работу в Москве он нашел относительно быстро – помогли друзья из его селения неподалеку от заповедного озера Иссык-Куль, «горячего озера», не замерзающего даже зимой. Односельчане трудились в Москве в очень большой конторе ЖКХ, которая обеспечивала своих рабочих – трудовых мигрантов – годовой регистрацией. Вскоре и он стал подметать дворы, сгребать снег, колоть лед... А рядом колола лед Жубаныш. «Утешение» – так ее звали в переводе с киргизского. Она была родом из самого Бишкека.

Сперва Кадырбек мечтал о покупке машины, которая позволит заняться извозом богатых москвичей и отсылать домой большие деньги. Но как только он увидел Жубаныш, он стал мечтать о ней.

Однажды она споткнулась на скользком льду, а он успел ее подхватить. Она сказала, что никогда не каталась на коньках. И Кадырбек это запомнил.

Потом приятели-односельчане, заметив интерес Кадырбека, поведали ему о том, что не стоит связываться с позорной женщиной. У Жубаныш был ребенок – внебрачный ба-

стард. Такая красавица никогда бы не оставила Бишкек, если бы не позорная связь с женатым мужчиной. Скорее всего, она потеряла девственность и честь в пятнадцать, когда была пьяна. Вот почему у нее нет мужа, никто ей никогда не помогал, даже родные отвернулись, и она покинула родные края со всем своим незамысловатым нищенским скарбом и семилетним ребенком.

Но Кадырбек влюбился и загорелся одной идеей, реализация которой потребовала больших усилий. Гуляя по Красной площади с друзьями поздним вечером после работы, он увидел ледяной каток. Пока друзья любовались храмом Василия Блаженного и слушали бой курантов на Спасской башне, Кадырбек решил разузнать, как можно попасть на каток.

В кассовой будке ему сказали, что входной билет для взрослого стоит пятьсот рублей плюс аренда коньков – двести пятьдесят рублей в час. В долларах выходило пятьдесят. Одалживать он не любил, а первую зарплату уже отправил родственникам – маме, трем сестрам и двум бабушкам.

Надо было как-то извернуться, чтобы достичь цели. И у него получилось.

На Патриарших прудах располагался еще один каток. И там требовались уборщики. Там можно было убирать глубокой ночью, когда бригады ЖКХ спали. Уже через три дня работы ему разрешили привести свою девушку. Он сказал начальнику, что придет с ребенком. И на это добрый директор катка тоже не имел возражений.

В эту ночь он снова не выспался. Но после работы поздним вечером пригласил Жубаныш на каток. С ребенком. Она стеснялась, но поддалась на уговоры. Относительно быстро они добрались до метро «Маяковская» и пришли к чудесному месту, похожему на уменьшенную копию заповедного озера Иссык-Куль. Только вместо водной глади был крепкий лед, на котором катались вокруг праздничной новогодней ели сотни людей. Он помог ей и ребенку снять обувь и отнес ее в шатер. Добрый начальник, смекнув, в чем дело, выдал три пары коньков без очереди, похлопав трудолюбивого Кадырбека по плечу, и приставив к нему инструктора. Кадырбек вначале испугался, но начальник сказал, что это презент от фирмы.

Кадырбек был на седьмом небе, когда Жубаныш и ее ребенок встали на коньки. И поехали. Вокруг нарядной ели. Деревья по всему периметру катка были увешаны электрическими гирляндами. Все сверкало и переливалось. Проектор рисовал на стенах причудливые города. Играл диджей. Она смеялась. Впервые за почти два месяца он увидел ее такой веселой и такой счастливой.

А потом они пили горячий чай, а девочки в рекламной униформе подарили маленькому Тамерлану плюшевого зайчонка, набитого конфетами.

Он проводил Жубаныш и маленького Тамерлана до дома. Она поблагодарила его, сказала, что пригласила бы на чашку кофе, но в квартире еще четыре семьи, и все уже спят.

Как-нибудь в следующий раз! Он бы тоже с удовольствием вздремнул, но окрыленный отправился прямо на работу. Его смена.

Солнце уже вставало. Он был счастлив. Сердце веселилось. Работа спорилась, словно и не нужен был сон. Он пришел на участок первым, но скоро увидел силуэты приближающихся ребят. Сейчас он поведает им о своей радости. О мечте. И возможно, услышит упреки. А может не стоит ничего рассказывать? Все узнают в свое время. Кто в молодости не ошибается. Важно выносить уроки из прошлого, чтобы не совершать ошибок впредь.

Как прекрасна Москва, здесь он встретил свое счастье и обрел любовь. ...Кадырбек умер счастливым, потому что убийца подошел к нему незаметно, лезвие ножа ударило его сзади и пронзило в области сердца. Когда он упал на колени, улыбка не сошла с его лица. Он провожал своих убийц молча. Возможно, это был сон, ведь сны не всегда заканчиваются хорошо. Сейчас он проснется, и придет Утешение. Они не оборачивались и не убегали, спокойно удаляясь от своей случайной жертвы. Когда силы Кадырбека, такое у киргиза было имя, иссякли, он успел отставить лопату в сторону, аккуратно положить ее рядом, а затем упал лицом в лед...

«Фирма» – объединение фанатов. Околофутбольная банда. У каждой фирмы свой лидер. Обычно это самый сильный, духом и физически. Такой как Вася. Накачанный, с

волевым подбородком, светловолосый, высокий и дерзкий. Безжалостный к врагам. Умеющий разделять и властвовать. Патриций на фоне плебеев. Много не говорит, все видит. Своих в обиду не даст, сурово отомстит за предательство и трусость, даже достойному врагу воздаст должную честь.

Попасть в фирму не просто. Ты должен разделять ее идеологию и соответствовать статусом. Ты обязан правильно одеваться, и соответствующе выглядеть. Это значит, что «карлики» – юная поросль, должны еще подрасти. Но на стрелках они сгодятся. Ведь они – без башки, и они хотят пройти «проверку» – лучшую рекомендацию при вступлении в «фирму».

Только кажется, что «фирма» далека от политики. Ее гнев легко направить на кого-угодно. Это когда лидер «фирмы» алчный. Такой может принять «грев» и от политиканов, этих выхолощенных интеллигентиков из Кремля, которые боятся таких же никчемных очкариков-оппозиционеров и фриков с репутацией геев. За этими клоунами никто не стоит, разве что горстка даунов, но не масса остервенелой молодежи, готовой жечь, громить, бить и... даже убивать. Такие пойдут только за реальным вожаком. Страшно, когда у такого вождя появится в довесок личная неприязнь.

Умами молодежи, неприкаянной и злой, могут управлять только истинные лидеры. А не назначенные «комиссары», агитаторы, не отбывающие номер перед вельможным чиновничьим назначением псевдоавторитеты. Все эти формаль-

ные прокремлевские объединения – отмыв бюджетов. Эта «гвардия» способна обкидывать яйцами только беззащитных диссидентов. При виде пушек, обычной «травматики», они наложат в штаны. Лимоновских радикалов успокоят только Васины ребята. Они и хачей на место поставят. Реальных врагов, что безнаказанно гоняют на «Роверах» по Красной площади, светят «пиками» и танцуют лезгинку на Манежке, а не в своих аулах.

Красс знал, что под его знамена пойдут все, кто имеет гордость называться русскими. Стравить людей до смерти может не только дурость – в случае фанатских драк, только межнациональная, межрелигиозная рознь делает кровавые ручейки багровыми реками. Ксенофобия – это ли мотив для патриотов? Патриотизм в превосходстве, в силе, в унижении? Не важно. У Красса свои определения. Его жизнь – его выбор, и он выбирает свободу, которая не нужна ему без власти, уважения, беспрекословного подчинения сторонников и безоговорочной капитуляции противников. Никаких компромиссов. А бредни седовласых мудрецов о том, что для многонациональной империи одинаково вредны как сепаратисты, так и скинхэды, засуньте себе в задницу!!!

Почва для взрыва готова. Этнические банды заполонили Москву. Красивые русские девочки сидят по ресторанам с кавказцами. ВУЗы «почернели». Безработица растет... Мигранты едут... Бойня приближается...

Эти кремлевские дяди и их спецслужбы еще не знают, что

такое настоящий экстремизм. Конечно, не знают. Раз так дешево оценивают разовые услуги фанатских лидеров. Аппетиты Красса гораздо выше. А его организация, завуалированная под знаменем фанатского братства, намного сильнее. И могущественнее узколобых скинов, ибо на порядок хитрее! И только Красс может объединить легионы враждующих группировок. На раз! А не так, как тужатся это сделать оппозиционеры, замыленные персонажи, чуждые народу и несогласные только с тем, что их отстранили от кормушки. В них нет злости, они – марионетки, существующие за счет спонсоров. Собрать десятки тысяч в одном месте быстро, за считанные часы, они не способны. Им нужна для этого целая стратегия, деньги, репетиции... А ведь это элементарно сделать. Эсэмэсок, листовок, демотиваторов, флэш-моба, и даже СМИ – здесь мало. Главное – ненависть, не декларативная, а натуральная. Почти животная. Повод должен быть прямым, а не косвенным. Лозунги должны быть понятными, даже примитивными! Не химкинский лес надо защищать, а жизнь! Только неприятие чужого, инородного, страх перед завоевателем будет подобную ненависть. Именно его следует поощрять, разжигать и лелеять. Страх. Злоба. Гнев. К «оборзевшим хачам», которые достали всех – «мясо», «коней», «паровозов» и «мусоров», динамовских конечно. Реальных мусоров крушить надо тоже, коли они за обнаглевших «хачей» и «дагов» заступаться будут...

К «хачам», «чехам», «дагам», всем этим «джигитам»,

«чуркам» и «баранам» Красс имел личные счета. Его девушка ушла к чеченцу. Богатенькому чеху. Папенька сплавил. Он еще поквитается за Алину. Со всеми.

Глава 8. Память.

Максим лежал на огромной кровати, ничуть не похожей на больничную койку. Только свет мощных операционных ламп выдавал предназначение этого выкрашенного в голубой цвет помещения. Белье пахло свежестью и ароматным концентратом. Он чувствовал себя абсолютно здоровым. Его мышцы наливались кровью, и тело распирало от энергии. Хотелось на улицу. Там воздух. Простор. Свобода. Но его все еще не отпускали эти суетливые люди в белых халатах. Профессор навещал его через каждые два часа. Осматривал голову, поправлял очки и довольно улыбался.

Память рисовала отрывочные образы из его прошлого, и что-то еще. То, что было иногда противным, но несколько не пугало Максима. Это что-то было необычным, а значит – не менее интересным, и, кстати, тоже своим, причудливым, но родным... Ничто не воспринималось чужим, все казалось уместным, хотя картинки никак не стыковались. При этом мозг не сокрушался, пребывая в нерушимом спокойствии. Мысли выстраивались в отдельные логические цепочки, которые просто обязаны были составить звенья одной цепи, как две автономные сюжетные линии переплетаются в ше-

девре в упорядоченную великим замыслом фабулу. Чаше печальную, но очень жизненную.

Вот какая-то девушка. Макс испытывал к ней теплые чувства. Лина, конечно же, его сестра. Только ее голос мог быть настолько приятным, ведь голос мамы он так и не услышал ни в тот день рождения, когда он заперся в комнате. Ни в следующий, когда он с таким же трепетом ждал звонка, ни через год. Зато он побывал на свадьбе сестры. Торжество отмечали в Подмосковье. В загородном доме жениха. Надеялся увидеть маму там, но надежда не оправдалась. Отец был против ее визита.

Лина, счастливая, красивая, светлая, рассказала Максиму о своем избраннике, похоже, у нее все вышло не только по отцовскому расчету, но и по любви. Повела и о маме. Она ничего не скрывала, просила, чтобы, брат не расстраивался:

– Нашей матери и до меня нет дела, хоть я с ней и живу. Она не просто выпивает, она сидит на стакане вместе со своими многочисленными любовниками.

– Ты хотя бы видишь ее. Слышишь ее голос.

– Зрелище, скажу честно, не из приятных, голос прокуренный, а реплики неадекватны. Смеется, когда мне грустно и рыдает, когда все в порядке...

– Она бывает у тебя?

– Очень редко. Кстати, сюда, в этот дом приезжала. Ей на природе нравится. Она вдали от суеты преображается... Ты, братец, имей в виду – можешь приезжать сюда, когда захо-

чешь. Ей на природе нравится. Она вдали от суеты преобразается... Ты, братец, имей в виду – можешь приезжать сюда, когда захочешь. И с кем захочешь. Избранницы не появилось?

– Нет.

– Появится.

– Так говоришь, мама здесь была?

– Была. Может в следующий раз, когда приедешь, застaneшь ее здесь.

Максим вдохнул деревенский воздух, убежденный, что именно так пахнет мама...

Когда Максу еще не исполнилось восемнадцати, отец провозжал его в военное училище.

Проводы обернулись новым скандалом. Макс хотел увидеть мать хотя бы на прощание. Встряла мачеха.

– Она о тебе не вспоминала все эти годы, была занята собой и своей личной жизнью. Проститутка!

Отец промолчал, хотя должен был пресечь оскорбления. Потом он сам набрал какой-то номер на сотовом.

– На, попробуй поговорить.

Макс задрожал, когда услышал длинные гудки. Он не ожидал, что трубку снимет Лина. Она в тот период уже жила у мужа.

– Я здесь, потому что мама невменяема. Ее избил очередной хахаль. Милиция уже была. Негодяя взяли.

Максим стал курсантом, так и не услышав мать. А на со-

вершеннолетие отец сделал подарок, от которого Максим отказался.

Отец хотел сделать сыну сюрприз, помятуя о своем невнимании к его прошлым дням рождения. Он арендовал лимузин «Хаммер», усадил в него молодую проститутку в линжерии и подогнал авто прямо к КПП. Макс вышел в увольнение, открыл дверцу салона, но в машину не сел. Увидев девушку, он все понял и позвонил отцу:

– Папа, я пытаюсь стать человеком, а не животным. Мне не нужны шлюхи...

Отец огорчился, но не показал вида, он ведь желал сделать приятное сыну, хотел, как лучше.

– Прости, я тебя люблю, – вымолвил он в свое оправдание.

А Макс так и не встретил возлюбленную до своей командировки в Чечню... Сохранив девственную чистоту, сдобренную обидой на мир, что отнял у него маму...

Он часто представлял свою девушку. Она будет очень красивой. Само совершенство. Как мама. Она будет верной. Иллюзия приходила по ночам, в видениях. Ради нее он был готов сделать все, что угодно. Геройство или преступление – все равно!

Так же, как раньше, он готов был бежать хоть на край света, без отдыха и еды, чтобы обнять самого дорогого человека, который не может предать, который помнит и любит, всегда ждет и никогда не сотрется из памяти...

Тем более из его памяти – надежном резервуаре , хранящем самые яркие моменты жизни, консервирующем эмоции, притупляющем чувства, сглаживающем страхи.

Очередная ночь прошла беспокойно. Снилось какая-то безразмерная груда металла с бесчисленным множеством перегородок и ходов, словно в лабиринте. По нему бегала крупная серая крыса. Максим не испытывал ни ужаса, ни отвращения. В этот раз он сам пребывал в оболочке грызуна, глядел на мир его глазами, думал его мозгом и чуял опасность нюхом. Всю ночь ему мерещился... сыр. Сыр был в изобилии, разных сортов. Любопытно, а главное – вкусно.

Утром Максим попросил сыр, на что профессор, перед которым все вокруг заискивали как перед кудесником и корифеем, снисходительно улыбнулся. Его пациент стал поглощать сыр регулярно, целыми головками. Сыр стал для Максима истинным лакомством. И не важно какой , – гауда, пармезан, мацарелла, даже плавленый. Он набивал желудок впрок, хоть его никто и не торопил. Душа пела, когда обоняние чуяло сей вожделенный аромат, когда язык ощущал этот вкус.

Глава 9. Подавление человека.

– Профессор, как работает эта чертова машинка? Она похожа на Айфон, а я в нем профан... – спросил Дугин, разглядывая пульт.

– Да, я знаю. Мир делится на программистов и пользователей. Подавление человеческого... Принцип очень прост, как все гениальное, – захрипел Функель, надуваясь от собственной значимости, – Биохимия и психология в одном флаконе. Акцептор – вещество, облегчающее процесс окисления субстрата с пониженной концентрацией путем принятия дополнительного количества ионов водорода...

– Не засоряйте мой мозг неведомым, проще объясните. Я пользователь.

– Ну, хорошо. Крыса... Ее болевой порог выше. Реакция на яд иная. Крыса, чьи подкорковые узлы были имплантированы в мозг пациента, получала на протяжении нескольких месяцев увеличивающиеся дозы яда. Она привыкла к препарату. Теперь вещество для нее – биостимулятор. А человеческий мозг эта кислота парализует, отключает, как сильнейшее седативное средство, транквилизатор, ну, хорошо, наркотик. Никаких моральных барьеров, жалости, тоски... Ничего. Только действие. Все, что касается низменных инстинктов. Агрессия, голод, секс...

– Откуда кислота попадает в организм?

– Эмаль. Зубная эмаль. Вещество в ней. Электромагнитный импульс поступает с пульта на невидимые брекеты. Происходит кратковременный выброс ионов. Микро-слой эмали окисляется, и вещество стремительно поступает в мозг... А там биохимия сменяется психологией.

– На каком расстоянии действует пульт?

– Это спутниковый прибор. Он, кстати, работает, как в режиме GPRS, так и в ГЛОНАСС. Датчик вмонтирован в коронку. Всегда можно определить местонахождение объекта. Навигационная погрешность 1-3 метра максимум. Расстояния не имеют значения при наличии связи. Помехи при считывании микро-чипа в зубе возможны только в туннелях и в бетонных убежищах.

– А как отключить животное?

– Такая задача не стояла... Действие «лекарства» – около двух часов. Пик эффективности препарата – через две-три минуты после приема.

– И то верно... – согласился полковник. – У нас другие задачи...

Управляемость Макса Дугин намеревался проверить в деле. Очень скоро...

В недавно приобретенном загородном доме Дугин намеревался поговорить об этом деле с единомышленниками.

...Совещание боевых товарищей, а не тайное ритуальное собрание, не светский раут. Только надежные люди. Никакой показной роскоши, приторной помпезности, псевдо – оппозиционеров с замшелыми идеями о бескровной смене власти, замыленных персонажей из альтернативного шоу-бизнеса, официантов, секьюрити с проводками, торчащими из ушных раковин. Охрану посменно обеспечивала оперативно-боевая группа уволенных в запас грамотных офицеров из спецназа ГРУ и ВДВ, да и на мангалах они управлялись

не хуже французских поваров. Барбекю на свежем воздухе у бассейна, в небольшом пуле Дугин не смог себе отказать, удался на славу. После традиционного третьего тоста «За тех, кого с нами нет», Дугин держал речь:

– Братья, какая участь нас ждала после службы. Искать хозяина, выслуживаться перед влиятельным воротилой? Всей душой ненавидеть его и помогать доить нашу Родину? Выслуживаться за отпуск в Шарм-эль-Шейхе, да пусть даже в Пунта-Кане, в отеле сегмента «все включено» перед тем, кто презирает тебя из, потому что ты включен в его «all inclusive». Как шавка сторожить хозяина, когда он играет в гольф-клубе с тем, кто командовал тобой, когда ты служил и откупился от тебя парой железяк на груди, которые для них ничего не стоят. А для нас омыты кровью! Этого мы хотим?!

Короткостриженные люди в штатском, иные сединой на висках, с явной военной выправкой молча кивали. Дуга продолжал:

– Эти в Марбелье и Тироле, на яхтах в Сен-Тропе, в своих загородных резиденциях, кичливо отгороженных от наших с вами трущоб, от гетто, на которые они брезгливо плюют, потому что там живет чернь. Это мы с вами чернь. А наши девушки со всей провинции... Наши дочери, наши возлюбленные, наши жены... Они отправляются с ними в Куршевель. Чтобы их там отымели. Их превращают в шлюх те, чья безопасность возложена на наши плечи. Одна мне так и заявила: Миша Прохоров мне помог. Как? Я спросил ее, как?

Она показала часы с брюликами. Поведала, что ей оплачивают квартиру. Когда я сказал, что твой Миша – сутенер, такой же как Петя Листерман, что ты – дешевый эскорт его зажавшейся свиты, что он тебе помешал, а не помог. Помешал обрести достойное счастье, создать семью, найти свою половинку, своего суженого! Она посмотрела на меня как на сумасшедшего. Они думают, что мы деградировали, и пичкают нас пошлятиной со всех экранов, держат нас за даунов, хотят, чтобы все время смеялись, они уже рассмешили народ до слез... Нужны вам эти хозяева, ответьте, нужны?!

– Нет! – в один голос заявили соратники.

– По их раскладам мы дегенераты, которые элементарного не могут. Разработать эффективный план ликвидации Чубатого Рыжика Энеджайзера не можем...

Офицеры дружно засмеялись.

– Можем... – твердо заверил Дугин, – Только мы его валить будем по суду. Для него публичный трибунал. Когда возьмем власть и сами станем хозяевами собственных судеб, кто как не мы это заслужили. И кто, если не мы!

– Кто, если не мы! – хором отозвались гости Дугина.

– Революция, гражданская война... Они пугают нестабильностью, потому что у них, и только у них все стабильно! А на улицах уже давно расовая и религиозная война. Белые воюют с черными. И только мы, третья сила, а не коррумпированные либералы и псевдо-государственники, можем взять все под контроль. Но мы в отличии от них, не ищем де-

шевого авторитета, подогретого на провокациях, ими же организованных. Допрыгались! Настало время выпустить пары! Пусть они посмотрят, что вся эта стабильность – профанация. Пусть люди увидят, до чего интеллигентики довели страну. До хаоса, неуправляемого на самом деле никем! Только тогда люди поймут, насколько эта элита, эти кукольные бесхребетные вожди слабы и призовут единственную силу, которая со всем этим справится. Нас! Истинных патриотов, доказавших кровью и верность присяге и любовь Родину!

– Ждем приказов, товарищ полковник... – на Дугина смотрели влажные глаза убеленного сединами старика, отличившегося еще в афганскую войну.

– Мой первый приказ – набить брюхо и насладиться девочками! – улыбнулся Дугин, в миг сменив гневное выражение лица на мимику гостеприимного владельца виллы. Из дома к бассейну выскочило с полдюжины проституток. Это был сюрприз, отставники завизжали и заорали от восторга.

Девочки были как на подбор. На любой вкус. Блондинки, брюнетки. Даже мулатки. Дом был большой. Соратники разбрелись по комнатам. Полковник отозвал двух проституток, самых красивых на его взгляд, вручил им по стакану виски с содовой и отправил в апартаменты Макса.

– Там, на самом верху, запертый парень. Поднимитесь по лестнице и сделайте его счастливым. Вот ключик.

Девушки ринулись исполнять поручение солидного заказ-

чика.

Оргия на нижних этажах не интересовала Дугина, хотя мониторы в его кабинете показывали не только дом и подступы к нему по всему периметру громадной территории, но и каждый уголок особняка. Солдаты есть солдаты. Они не преминут возможностью отведать халявного «мяса»...

Важнее было, как на появление двух молодок отреагирует Макс. Для этого Дугин оборудовал свой кабинет по образцу звукозаписывающих студий или помещений для допросов разделяющим непроницаемым стеклом. Прямо напротив самой секретной комнаты – обители его тайны.

Это лучше любого монитора. Сквозь стекло было видно все. Его же не увидит и не услышит никто. Дугин открыл хьюмидор, достал «Коибу эксплендидо», отрезал гильотиной кончик сигары и поднес спичку. В этот момент девочки уже вошли в комнату к Максиму. Парень сидел на кровати и о чем-то напряженно думал. Сейчас он расслабится. Дугин затаился и выпустил дым.

Макс при виде проституток растерялся. Одна из них присела рядом и протянула свой стакан с виски.

– Кто вы? – спросил Макс.

– Я Даша, это Катюша, а тебя как зовут? – прошептала девушка в ухо Максиму и поцеловала ушную раковину язычком. Макс отпрянул.

– Меня зовут Максим. Но я не готов к вашему визиту.

– Мы тебя подготовим... – принялась за работу вторая

красотка, потянувшись к ремню на его джинсах.

– Простите, девушки, но вынужден с вами проститься...

Девушки оторопели, так как молодой мужчина не шутил. Его вид говорил о серьезности намерения выпроводить их из покоев. Но что скажет заказчик, заплативший им гонорар вперед?

– Мы тебе не нравимся? – сделала еще одну попытку одна из девиц.

– Если я буду честен, вы оставите меня? – поинтересовался мужчина.

– Да! – бойко ответили обе.

– Вы обе очень красивые, но я не люблю шлюх.

Он произнес обидные слова. Максим понимал это, но осознанно назвал вещи своими именами, чтобы его немедленно оставили в покое. Он пребывал не в самом лучшем настроении. Сознание растворилось в дежавю. В памяти отчетливо воссоздался тот самый день рождения, когда отец хотел откупиться от сына самым низким подарком – продажной женщиной. Именно откупиться, ибо его сыну нужно было совсем другое. Постоянное. Его внимание. Его глаза. Его слова. Его рука. А тот подарок, он лишний раз подчеркивал неуважение отца к его чувствам, его назойливое желание отвратить сердце сына от самого дорогого. Этим он ничуть не отличался от вредной мачехи, узурпировавшей право судить. Он напоминал о том, что не хотелось анализировать, разрушал иллюзию, которая помогала жить без материнской

ласки – мечту о том, что даже падшая женщина прежде всего любящая мама...

Отец потом извинился, Максим простил его, принял его объятия, понимая, что ничего плохого папа не хотел, а лишь таким образом пытался выразить отцовскую любовь. А Макс лишь не принял тогда подарка, не примет и сейчас. От человека, который назвался его новым отцом, разоблачив родного по крови. Объяснив, что отец предал сына из-за своего эгоизма, оставил его одного в этом зловещем мире.

Но может ли заменить свежее мясо суррогатный фарш? Может ли человек, который никогда не был рядом, понять, что он переживает всю жизнь. Тем более, что делает он такие же подарки. Подачки, в которых Максим не нуждался.

Проститутки переглянулись. Напрягся и Дугин. Он налил себе виски и осушил стакан.

– Так не пойдет! – рявкнул он вслух после секундной паузы. – Где эта чертова машинка! Совокупление – вот что должно быть тогда, когда рядом нет других самцов.

Он быстро обнаружил дистанционный пульт в ящике стола, включил его и прочитав на сенсорном экране слово «Акцептор», нажал на него большим пальцем.

Макс почувствовал холод на зубах, словно отхлебнул глоток ледяной воды. Казалось, эмаль треснула. Кислота быстро растворилась в слюне. Вещество действовало стремительно, локализуя нервную деятельность только в пределах имплантированных участков. Человеческое замерло. Память отклю-

чилась.

Реакция была неожиданной. Неистовство и беспорядочное метание. Его бросало из угла в угол. Это ужаснуло девушек, и они попытались выбежать наружу, за дверь. Но Дугин заблокировал выход. Полковник ждал продолжения.

Макс зарычал, запищал и прыгнул на одну из девушек, укусив ее в шею. Вторая попыталась защититься, взяв в руки подсвечник. Макс ударил ее ногой в грудь, затем кулаком в шею. Она выронила свое спонтанное оружие, обмякла без сознания и рухнула на пол. Визуально Макс был человеком, но это была лишь оболочка. Он превратился в крысу.

Минут через десять полковник позвонил профессору.

– Господин Функель, при виде красивых девушек без мужского сопровождения в нашем пациенте не проявляется ни один из ожидаемых инстинктов. Никаких брачных танцев и полового возбуждения. Вместо стремления к совокуплению, абсолютная агрессия.

– Это может быть связано с дозировкой. – испугался профессор, – Или с побочным эффектом. Надо прекратить эксперимент.

– Напротив. Вы сделали монстра ... – задумчиво изрек полковник, – Этот маньяк не видит разницы между мужчинами и женщинами, думаю, в нем не проснется жалость и к детям. Это универсальный биовоин без малейшей поправки на совесть. Идеальный солдат. Вам удалось осуществить именно то, что так нам необходимо.

Дугин вошел в комнату Максима через несколько часов. Молодой мужчина лежал в беспмятстве. Полковник проверил пульс девушек. Одна из них, та, которая пыталась обороняться подсвечником, все еще была жива. Дугин извлек из кобуры пистолет, спокойно прикрутил глушитель и выстрелил ей в голову...

Глава 10. Флирт с войной.

Полковнику было о чем поразмыслить. Изящная статья соснового бора пьянила воображение. Он давно мечтал об этом уголке. Нетронутым рае в непосредственной близости от Москвы. Но даже этот подмосковный оазис достался ему не просто так. Как всем этим небожителям. Он кое-что пообещал.

Выполнение своих обязательств тем, кому он не присягал, не являлось делом чести. Сами того не ведая, его заказчики приняли его в игру, главным правилом которой является отсутствие всяких правил. Ибо нельзя флиртовать с войной, бряцать оружием и не стрелять, проявлять лояльность этническим бандитам и держать на привязи погромщиков. У этих политтехнологов все по полочкам. Они и представления не имеют, что гнев – эмоция стихийная, и крушит он не по секторам, а сносит все одним махом!

«Они думают, что вечны. Ха. Эти сосны пережили великий Советский Союз. Их переживут и подалее!»

Ветер, протяжно завывая, разбивался о стройные ряды сорокаметровых исполинов, вечнозеленых и спокойных. Но даже эти великаны вряд ли устояли бы перед свирепой бурей, перед беснующимся океаном, который не пасует даже в открытой схватке с неприступными утесами. Нет в Белокаменной, да и в Северной столице, скал, а эти элитные коробки с их упитанными консьержками и облаченными в униформу алкашами, не защитят от бешеной толпы, которая пострашнее любого цунами.

Дугин сидел на заросшем мхом камне, воткнувшимся непристойной бородавкой в небольшой холмик, скрывающий могилу двух проституток. Доносился шум Истры, и Дугин медленно пошел к воде. Скоро зима, и водная гладь заледенеет. Не будет и этих нечесаных косм, свисающих с обрыва, и этих катеров. А их потому, что хозяевам трудно придется в ближайшую зиму... Многие из них, возможно, не перезимуют. Он не остановится, не проморгает шанс для личной вендетты, для его реванша. Ибо он им равен: Пасечнику, любому министру, премьеру, президенту, Богу... Он равен им, потому, что его руки в крови, и все они в этом виноваты!

Полковник посмотрел на часы. Без пяти час. Он набрал номер Функеля. Профессор кашлял, сбиваясь и тараторя что-то научное.

– Высокочастотный электромагнитный импульс нельзя посылать часто. Гипотеза не подтверждается эмпирически. Акцептор может разрушить человеческие участки мозга, ло-

кализуя высшую нервную деятельность в области подкорковых инплантов. Сводя мыслительный процесс до примитива, инстинктивного выживания. Мало того, само по себе наше медикаментозное воздействие на пациента – пытка для него... Опыты опасны, я признаю заблуждение. Я уже раскаиваюсь, не смотря на то, что мы проводили эксперимент, руководствуясь исключительно мотивами государственной безопасности...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.